

Горев Б.И. Публицистика / Б.И. Горев // Литературная энциклопедия : словарь лит. терминов : в 2 т. – Т. 2. – М., 1925 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/vinogradov_problemi/12.aspx (дата обращения: 19.01.2013).

Горев Б.И. Художественное произведение / Б.И. Горев // Литературная энциклопедия : словарь лит. терминов : в 2 т. – Т. 2. – М., 1925 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-6802.htm> (дата обращения: 15.01.2013).

Достоевский Ф.М. Вступление, Бобок / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. – Т. 21. – Л., 1980. – С. 5-8, 41-54.

Достоевский Ф.М. Два самоубийства / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Изыскания и размышления / под ред. Ю.В. Бондарева. – М., 1983. – С. 313-316.

Достоевский Ф.М. Кроткая / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Повести и рассказы : в 2 т. – Т. 2. – М., 1956. – С. 618-656.

Достоевский Ф.М. Мальчик с ручкой, Мальчик у Христа на елке / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Повести и рассказы. – М., 1984. – С. 79-83.

Туниманов В.А. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя» / В.А. Туниманов // Достоевский – художник и мыслитель. – М., 1972. – С. 165-209.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЭМОЦИИ СТРАХА В РАССКАЗАХ Л. ПАНТЕЛЕЕВА

О.С. Батова

*Научный руководитель: Л.Н. Савина,
доктор филологических наук, профессор (ВГСПУ)*

Страх человека в его стандартном понимании складывается из «экспрессивного поведения и специфического переживания, проистекающего из ожидания угрозы или опасности» [Изард 2000: 293]. Меняются предметы и способы выражения данной эмоции, различно влияние фобий на внутренний мир личности, на ее поведение, но страх как известная форма оценки, как тип отношения к миру и людям остается в нас всегда [Зеньковский 1996: 130]. Источники его возникновения определяются в исследованиях психологов по-разному: К.Э. Изард считает, что страхи могут быть приобретенными и врожденными, иметь внешние (внешние события) и внутренние (представление опасности при воспоминании) причины [Изард 2000: 295], в то время как Дж. Боулби пишет о «природных» и «производных» стимулах страха [см.: Ильин 2001: 147]. Данная эмоция, которую человек способен испытывать уже в раннем возрасте, в определенной степени обусловлена врожденными особенностями личности, но способность справляться с собственными фобиями часто зависит от опыта ребенка, полученного им через непосредственный контакт с окружающей действительностью и того примера, который он видит со стороны взрослых. Эмоции побуждают к

действию, «руководят мыслительной и физической активностью индивида» [Изард 2000: 27]. Такое понимание эмоции близко к мотиву, который определяет и стимулирует деятельность или поступок человека. В художественном произведении чувство, переживаемое тем или иным персонажем, находит отражение в его мимике и речежестовом поведении.

Изображение данной эмоции можно наблюдать в детской литературе, воспроизводящей процесс социализации маленьких героев, в том числе и в рассказах Л. Пантелеева. Стремясь проникнуть в тайны внутреннего «Я» своих персонажей, писатель воссоздает мир их «ума» и «сердца», имеющий непосредственное внешнее выражение в виде самих действий. На границе сознательного и бессознательного происходят весьма важные процессы становления личности, причем в определенный момент времени может доминировать или социальная, или биологическая мотивация. Особую значимость этот выбор приобретает в критических ситуациях, когда риск повреждения жизненно важных функций или снижения социального статуса индивида «запускает» развитие эмоции страха. Если у человека социальная мотивация доминирует над биологической (т.е. трусом быть стыдно или недостойно), то страх вытесняется в область бессознательного, в Тень [Юнг 2007: 53]. Произведения Л. Пантелеева, написанные в годы Великой Отечественной войны, воссоздают кризисные моменты социализации ребенка. Рассказы автора знакомят читателя с целой плеядой маленьких героев, которые во времена военных потрясений вынуждены преодолевать собственные фобии.

С одним из таких героев мы встречаемся в рассказе Л. Пантелеева «Главный инженер». Стремясь подражать взрослым зенитчикам, воюющим с фашистами, Леша Михайлов предлагает ребятам соорудить пушки из снега. Но немецкий самолет принимает игрушечную батарею за настоящий военный объект. Когда на головы мальчишек начинают сыпаться бомбы, возникает страх, о чем свидетельствует невербальное поведение детей («Муха едва дышал, лицо у него было бледное, губы дрожали»), а также сбивчивая речь главного героя («Ты знаешь... беда какая...») [Пантелеев 1984: 35]. В данной ситуации эмоция страха у Леши осложняется еще и чувством вины: как инициатор игры, он переживает за судьбу друга, который во время вражеского налета случайно оказался в снежной крепости. Но, поскольку никто не пострадал, мальчик постепенно приходит в себя. Новый виток страха появится чуть позже, когда в дом Леши придут сотрудники НКВД. Мальчик испугается, что за строительство крепости его могут арестовать и судить по законам военного времени. Психологи отмечают, что в момент переживания данной эмоции возникает эффект «туннельного восприятия», ограничивающий мышление и свободу выбора человека, который хочет

только одного – избежать надвигающейся опасности. «Слабый страх переживается как тревожное предчувствие, беспокойство. По мере нарастания страха человек испытывает все большую неуверенность в собственном благополучии. Интенсивный страх переживается как чувство абсолютной незащищенности в собственной безопасности. У человека возникает ощущение, что ситуация выходит из-под его контроля. Он ощущает угрозу своему физическому и/или психическому Я» [Изард 2000: 312]. Герой Пантелеева проходит все градации чувства страха. Предчувствуя, что его могут отдать под трибунал, «до вечера Леша Михайлов ходил сам не свой» [Пантелеев 1984: 38], затем он, чтобы избежать опасности, решил бежать. Поведение героя после прихода за ним красноармейца свидетельствует о том, что подросток от страха не контролирует свои движения: «У Леши не попадали в рукава руки», «зубы у него все-таки слегка стучат и голос дрожит» [Пантелеев 1984: 40]. Теперь эта эмоция выступает в комплексе с эмоцией стыда: получив повестку, Леша «сразу же поднял воротник и спрятал лицо: еще, не дай бог, увидит кто-нибудь из соседей...» [Пантелеев 1984: 40]. Отметим, что «стыд – состояние, промежуточное между страхом и виной, ...основано на страхе попасть в унижительное положение перед другими, на повышенной чувствительности к своей неправоте, боязни собственной деградации» [Марков 1997: 157]. Мальчик освобождается от этих эмоций только после известия о том, что его не осудят. Заметим, что к концу рассказа герой постепенно преодолевает страх от бомбежки, руководя процессом сооружения «лжекрепостей» и тем самым отвлекая силы и внимание врага от действующих военных объектов. Подросток в полной мере осознает всю меру порученного ему дела и гордится своим званием «главного инженера».

Причиной страха в рассказе Л. Пантелеева «Маринка» стала необычность ситуации – возможность появления немецких оккупантов в квартире ленинградской девочки. Известно, что каждый человек воспринимает свой Дом как «защищенное пространство, в котором можно чувствовать себя в безопасности» [Осорина 1999: 41]. В начале войны немцы были для Маринки «чем-то вроде трубочистов или волков, которые рыщут в лесу и обижают маленьких и наивных красных шапочек. И страх был не настоящий, а тот, знакомый, каждому из нас, детский страх, который вызывают в ребенке сказочные чудовища – всякие бабы-яги, вурдалаки и бармалеи» [Пантелеев 1984: 56]. Девочка воспринимала все происходящее как игру и предпочитала избавиться от неожиданных гостей, бросив в них каким-нибудь предметом. Но после пережитых испытаний, холода и голода блокады Маринка уже не боится немцев. Автор передает тончайшие оттенки эмоционального состояния ребенка не только при

помощи речи, но и указывая на невербальное поведение девочки. «Она задумалась. *Глубокие, недетские морщинки сбежались* к ее переносице. Казалось, она трезво рассчитывает свои силы, стула ей теперь не поднять, до лампы не дотянуться, полена во всем доме с огнем не найдешь. Наконец она ответила мне. Я не расслышал. Я только видел, как блеснули при этом ее маленькие крепкие зубки.

– Что? – переспросил я.

– Я его укушу, – сказала Маринка. И зубы ее еще раз блеснули, и сказано это было так, что, честное слово, я не позавидовал бы тому немцу, который отважился бы войти в эту холодную и закоптевшую, как вигвам, комнату» [Пантелеев 1984: 60; курсив мой. – О.Б.]. Стремительно взрослея, девочка отказывается от непродуманного, эмоционального поступка и, тщательно взвесив свои силы, рационально определив границу своих возможностей, принимает единственно возможное решение.

С художественным изображением процесса преодоления ребенком страха мы встречаемся и в рассказе «На ялике». Во время бомбежки страшно всем, «особенно, когда в воду – и спереди и сзади, и справа и слева от лодки – начали падать осколки» [Пантелеев 1984: 76]. Рассказчик акцентирует внимание читателей на том, что лишь перевозчик-подросток не испытывает страха: «Все посмотрели на мальчика, который, кажется, один во всей лодке, не обратил никакого внимания на этот подозрительный грохот и продолжал спокойно грести. – Мотенька, что это? – спросили у него. – Ну что! – сказал он, не поворачивая головы. – Ничего особенного. Зенитки» [Пантелеев 1984: 78]. Перевозя людей под обстрелом, Матвей сумел побороть свой страх, хотя «казалось бы, он на всю жизнь должен был проникнуться смертельным ужасом к этой заклятой работе» [Пантелеев 1984: 84], поскольку именно здесь, за веслами, на своем боевом посту погиб его отец. Понять мотивацию поведения мальчика помогает наблюдение психолога В.В. Зеньковского, обратившего внимание на связь переживания страха с психологией риска. По мнению ученого, реакция на страх может иметь пассивную и активную формы; страх способен вызвать у человека психическую и психофизическую депрессию, но может выразиться и в переживании риска, в стремлении индивида ринуться навстречу опасности [Зеньковский 1996: 132]. Матвей спокойно продолжает грести, не поворачивая головы в сторону страшных звуков. «Бойся не бойся, а уж если попадет, так попадет. Легче ведь не будет, если бояться» [Пантелеев 1984: 86], – так он комментирует происходящее. Однако за этим кажущимся фатализмом скрывается настоящее мужество человека, вынужденного в годину суровых испытаний не считаться со своими

фобиями.

Итак, изображая героев-детей в кризисные моменты социализации, писатель сосредотачивает свое внимание на исследовании эмоции страха, которая может выступать как в чистом виде, так и в комплексе с эмоциями вины и стыда. Автор показывает причины возникновения страха, демонстрирует различные проявления данной эмоции в поведении персонажей, пытается проследить эволюцию этого чувства, что свидетельствует о высоком уровне психологизма прозы Л. Пантелеева.

Список литературы

- Зеньковский В.В.* Психология детства / В.В. Зеньковский. – М. : Академия, 1996. – 348 с.
- Изард К.Э.* Психология эмоций / К.Э. Изард. – СПб. : Питер, 2000. – 464 с.
- Ильин Е.П.* Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2001. – 752 с.
- Марков Б.В.* Философская антропология: очерки истории и теории / Б.В. Марков. – СПб. : Лань, 1997. – 384 с.
- Осорица М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М.В. Осорица. – СПб. : Питер, 1999. – 288 с.
- Пантелеев Л.И.* Собр. соч. : в 4 т. / Л.И. Пантелеев. – Т. 3. – Л. : Детская литература, 1984. – 396 с.
- Юнг К.Г.* Сознание и бессознательное / К.Г. Юнг. – М. : Академический проект, 2007. – 192 с.

ОТРАЖЕНИЕ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОПЫТА М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В ЕГО СКАЗКАХ

А.В. Гарусова

*Научный руководитель: Г.А. Склеинис,
доктор филологических наук, профессор (СВГУ)*

Публицистика и художественная литература всегда шли рука об руку. Многие талантливые писатели и поэты, такие как Пушкин, Некрасов, Добролюбов, Тургенев, Достоевский участвовали в выпуске журналов и работали в них в качестве редакторов и журналистов. Особенно расцвета взаимопроникновение публицистики и литературы достигло в 60-е годы XIX века.

Тема доклада актуальна по той причине, что заинтересовавший нас феномен ранее не освещался именно в таком ракурсе. К тому же это довольно интересно с точки зрения литературоведения. Мы проводим анализ влияния журналистского опыта на примере одного автора, но подобные характерные черты, о которых говорится в нашей исследовательской работе, можно наблюдать и у других писателей.

Что касается публицистики и журналистики, то нужно, прежде всего,